

мы не можем не исключить (вновь, в который раз!) Ставрогина, героя, наиболее существенного в концепции действительности Достоевского. По-моему, несколько запутывают исследователей известные признания Достоевского о тенденциозности «Бесов». Правда, формально признается, что она существовала на определенной стадии развития замысла, но по существу эта гипнотическая версия все-таки никак не игнорируется. А ведь хорошо известно, что все романические замыслы Достоевского, как правило, подвергались одной и той же метаморфозе: после многократных мучений и блужданий Достоевский наконец «вдруг», «разом» приходил к «целому», и это «целое» всегда представлялось ему «в виде героя». «Бесы», как и все другие романы Достоевского, роман-трагедия⁸, и стержень романа — его точка отсчета — главная, трагическая фигура — Николай Ставрогин (который сочетает в своем имени две мифические аллюзии — победитель и крест — *staurós* по др.-греч. «крест»). И невозможно согласиться с утверждением Туниманова: «Ставрогин во многом так и не достиг положения главного героя, ограничиваясь лишь „претензией“ на это, а функции Петра Верховенского не застыли на уровне аксессуара и фона Ставрогина — в некоторых сценах, напротив, Ставрогин превращается в аксессуар Верховенского, переросшего предназначавшуюся ему одно время второстепенную роль»⁹.

По Достоевскому, современный ему буржуазно-дворянский мир — преступен. И трагедия героя — всегда трагедия человека большого интеллекта и большой совести, смертельно раненной преступным миром. Поступки Ставрогина — это борьба с преступным миром преступными же средствами (тоже не единственная в творчестве Достоевского постановка проблемы — ср. Раскольников, Аркадий Долгорукий, Иван Карамазов). Ставрогин — наиболее «экстравагантный» герой Достоевского. Но экстравагантность Ставрогина — это лишь самая внешняя и самая примитивная его «личина», она воспринимается как нечто из ряда вон выходящее лишь с точки зрения обывателей, в том числе и рассказчика, хроникера Антона Лаврентьевича Г-ва. Есть ряд персонажей в романе, для которых Ставрогин в этой экстравагантности не существует вовсе, они его видят сквозь нее (насколько видят — это другой вопрос) и воспринимают его, так сказать, в чистом виде, по крайней мере без этого самого «наглого»¹⁰ наслоения — Шатов, Кириллов, Даша, Мария Лебядкина. Другими словами, «экстравагантность» Ставрогина — та же самая обывательщина и несправедливость массы и «мира сего», доведенная до логического абсурда, ибо Ставрогин эпатирует общество тем, что совершает явно и гиперболически то, что каждый (в буквальном или переносном смысле) совершает втайне или втихомолку (ср. Липутина с его ночными супружескими «щипками»).

По признанию хроникера, Ставрогин «четыре года назад» (когда и совершились все эти мелкие скандальные происшествия) был «не совсем здоров». «Не совсем здоров» — это и есть первая, внешняя степень отношения Ставрогина к миру. Ставрогин не совершает убийство и даже понастоящему не замышляет его, в его мозгу одновременно несколько вариантов, в том числе и этот, преступный. Он сам в постоянном колебании, у него одновременно десятки вариантов воплощения себя, но окружающие его однозначные преступники из множества побуждений и мыслей выбирают одну — так Ставрогин становится убийцей. Ставрогин — это своеобразный Иван Карамазов, но пока без теоретической платформы, без

⁸ См. об этом подробнее: *Кирпотин В. Я.* В кн.: Достоевский в шестидесятые годы. М., «Художественная лит.», 1966 и в кн.: Достоевский — художник. М., «Сов. писатель», 1972.

⁹ Исследования по поэтике и стилистике, с. 93, 94.

¹⁰ «В человеке этом видна была роль и маска, но он до того был нагл, что иногда [не] совсем и не заботился о том, что роль на нем видят и что маска сваливается». — Записные тетради..., с. 43, 44.